

БИБЛИОГРАФІЯ

ТРАГЕДІЯ ДЕМОКРАТА - СОЦІАЛІСТА

Ст. Иванович. А. Н. Потресов. Опыт культурно - психологического портрета, Париж, 1938. — А. Н. Потресов. 1869-1934. Посмертный сборник произведений. **Б. Николаевскій.** А. Н. Потресов. Опыт литературно - политической біографіи. Париж, 1937.

Посѣтители общественных собраній в Парижѣ в послѣдніе годы не могли не замѣтить нерѣдкаго гостя этих собраній, красиваго стройнаго старика, носившаго на лицѣ печать духовнаго благородства и какого-то внутренняго моральнаго страданія. Не знаю, многіе-ли могли назвать его по имени и многіе-ли знали, что значило это имя в исторіи русской общественной мысли. Он всегда молчал, и когда я как-то раз настоячиво предложил ему принять участіе в преніях по вопросу, который не мог его не интересовать очень близко, он отвѣтил грустным отказом. Это был А. Н. Потресов, один из основателей русской с. д. партіи, всегда одинокій среди произведеннаго ею шума, отошедшій от партіи в період ея наиболѣе блестящих внѣшних успѣхов и окончательно разочарованный послѣ идейнаго провала всего ея дѣла в годы ея политическаго триумфа. Кто этот странный чудак, вѣчный протестантъ против им же созданнаго направленія, — слишком тонкая и морально безупречная натура, чтобы послушно слѣдовать за преступным упрости-тельством побѣдившаго вождя — демагога?

Только послѣ смерти А. Н. Потресова в 1934 году его друзья познакомили нас с причинами его душевнаго надлома и объяснили отчасти то несоотвѣтствіе, которое сами же отмѣтили между заложенными в нем большими возможностями и тѣм немногим, что ему удалось дать положительнаго для нормальной эволюціи избраннаго им политическаго и соціальнаго теченія. Первое обстоятельство — секрет его личнаго одиночества — можно было объяснить тѣм, как сложилась біографія Потресова. Этой задачѣ посвящена работа Ст. Ивановича. Для объясненія втораго обстоятельства — т. е. борьбы Потресова с направленіем партіи, по существу ошибочным, но временно приведшим к побѣдѣ в исключительных условиях небывалаго в исторіи водоворота, требовалось чрезвычайно расширить тему. Это могло быть сдѣлано Б. И. Николаевским лишь отчасти, в связи с той - же личностью Потресова. Во всяком случаѣ, в исторію русской политической мысли оба автора внесли очень существенный вклад.

Мы знаем теперь, прежде всего, как сложилась личность Потресова в годы его дѣтства и отрочества. Родившись в военной средѣ и рано оставшись по смерти отца на попеченіи нѣжно любившей его матери, Потресов ея заботами был вырван из этой среды и направлен по граж-

данской линии — в гимназію (1881 - 1887) и в университет. Его ранніе интересы, благодаря матери, а главным образом его дяди, либеральнаго бюрократа, были направлены в сторону близкаго знакомства с журнальной литературой шестидесятых и семидесятых годов — особенно шестидесятых, т. е. начала русскаго народничества, еще чуждаго позднѣйшаго сентиментальнаго доктринерства и подчиненія настроеніям безвременья восьмидесятых годов. Потресов вынес из этого чтенія неослабленное настроеніе революціонной борьбы с остатками дореформенной Россіи.

Но в эти - же годы проявилась и та черта одиночества, которая не покидала Потресова в теченіе всей его жизни. Мать воспитала его в тепличной атмосферѣ; в гимназій он был первым учеником и не нашел близких друзей среди неравных ему по интеллектуальному развитію товарищей. И уже двадцатипятилѣтняго юношу близко слѣдившая за ним, преданная ему корреспондентка называет «недотрогой». «Обстановка дѣтской и юношеской жизни воспитала в вас одну губительную черту: слишком обособила вашу личную жизнь от жизни других», — пишет она ему в 1895 г. «Вы живете в своей атмосферѣ, которой слиться с общей мѣшает безвоздушное пространство». Не нужно прибавлять, что это «безвоздушное пространство», им самим отчасти созданное, и составляет то, на что сам Потресов уже тогда жалуется, как на свое «моральное одиночество», от котораго «можно рехнуться». Но был ли это **только** недостаток? Или - же в нем заключалось и нѣкоторое положительное достоинство: то, что дало Потресову возможность остаться самостоятельным среди чужих блужданій и не подчиняться общему гипнозу?

Оба біографа Потресова дают нам достаточные матеріалы для отвѣта на эти вопросы. Б. И. Николаевскій, со свойственной ему методичностью и точностью детальнаго изслѣдованія, восстанавливает по статьям, письмам и иным документам «феноменологію» общественной дѣятельности Потресова. Мы, узнаем здѣсь во всѣх подробностях его отношенія к окружающей партійной средѣ. Ст. Иванович, на основаніи той-же работы и своих собственных впечатлѣній (он работал вмѣстѣ с А. Н. Потресовым в послѣднюю пору его жизни) дает нам «культурно-психологическій портрет». Портрет выходит немножко импрессионистским; диспропорція между заложенными задатками и стѣсненной обстановкой их выявленія, быть может, нѣсколько преувеличена. Зато этюд Ст. Ивановича интимнѣе рисует «воздух» политических событій эпохи — и тѣм достигает большей скульптурности изображенія. В короткой рецензій нельзя, конечно, передать всего богатства матеріала, собраннаго обоими авторами. Остановимся лишь на главнѣйших чертах.

Первый этап работы Потресова на пользу «марксистскаго» направленія, им избраннаго, заключался в 90-х годах в энергичных усиліях по созданію **легальной** марксистской литературы. Обхода болѣе или менѣе удачно тогдашнюю цензуру, Потресов сумѣлъ проташить через нее двѣ книги Плеханова (под псевдонимом Бельтова), произведшія сильное впечатлѣніе в Россіи. Неудачныя попытки созданія одного за другим двух «толстых» марксистских журналов («Новое Слово» и «Начало») показали, однако, предѣлы возможности для этого рода «легальной дѣятельности». Характерными чертами этого періода были у Потресова, во-первых, его недовѣріе к значенію эмигрантской публицистики для Россіи и, во-вторых, его идейная связь с революціонной

«разночинной» интеллигенцией шестидесятых годов. За попытки оживить эту революционную традицию в связи с начавшимся в Петербурге рабочим движением (знаменитая стачка 1896 г.) Потресов был арестован и на два года (1898 - 1899) выслан в Вятскую губернию.

За этим последовал второй этап: попытка перенести журнальную и газетную деятельность за-границу. Тут впервые Потресов выходит из тѣсной сферы издательства в область идейного сотрудничества — и сразу же наталкивается на несродную ему психологию болѣе вліятельных сотоварищей. История изданія «Искры» (1900 - 1904) известна. вмѣстѣ с Лениным Потресов отмежевался от «критическаго» направленія Струве; с ним же вмѣстѣ возстал против монополистских претензій Плеханова, и, наконец, он вмѣстѣ с Плехановым возстал против намѣренія Ленина замкнуться в «профессиональном» революционерствѣ от созданія болѣе широкой социал - демократической организаціи и от связи с обще - демократическим движением. На этом закончился період «Искры», подготовившій Плеханова к отколу в «меньшевизм» и к занятію опредѣленной позиціи по отношенію к первой русской революціи 1905 года. Он радовался, прежде всего, что, наконец, «заграница закончила свое существованіе». И он готов был цѣлком вложиться в революцію; но очень скоро замѣтил максималистскій характер тактики своей группы, который сулил пораженіе всему демократическому движенію. Плеханов также требовал из за-границы сохраненія хладнокровія. «Если мы теперь проиграем битву», — предупреждал он, — «то реакція вздохнет свободно». Сам Потресов не по-ленински понимал лозунг «гегемоніи пролетаріата». Правда, не на долго он все-таки поддался вліянію «раскаленной атмосферы» Петербурга. Но послѣ того, как предсказанія Плеханова сбылись, Потресов очнулся один из первых. Он был теперь против возобновленія журналистской дѣятельности за границей, не желая повторять «драмы каких-то тѣней в безвоздушном пространствѣ». Он предлагал, оставаясь в Россіи, обновить идеологию социал - демократіи, разобравшись в причинах ея ошибок в прошлом. По его почину был издан капитальный четырехтомник «Общественное движеніе в Россіи в XX вѣкѣ». Но это предпріятіе снова выводило его из круга узко - партийных отношеній, и Плеханов уже спѣшил заявить протест. Охлажденіе Потресова к партіи было залеймено, как «ликвидаторство». Потресов принял вызов — и в основанном им журналѣ «Новая Заря» (1910 - 1914) прямо заявил: — «нѣтъ партіи, как цѣльной и организованной іерархіи учреждений». Ст. Иванович здѣсь оспаривает мнѣніе Николаевскаго, который, по его мнѣнію, сводит разногласія к одному только «организационному принципу». Мнѣнялось здѣсь «цѣлое міросозерцаніе». Ст. Иванович объясняет этим рецидив чувства одиночества, всегда мѣшавшаго Потресову окружить себя близкой группой сотрудников и создать собственное теченіе в рядах социал - демократіи. Потресов фактически уже работал внѣ и независимо от партіи.

Начало войны еще болѣе обострило это изолированное положеніе Потресова, поставив ребром вопрос об отношеніи «патріотизма» к «интернационализму». Потресов рѣшительно стал на оборонческую позицію, считая, что именно война должна превратить «обывателей в граждан». Но как примирить эту позицію с одновременным продолженіем борьбы против самодержавія? Надо признать, что примиреніе это было трудно по существу — и не удалось оно не одному Потресову. В душѣ Потресова живое чувство патріотизма боролось с сознаніем невозмож-

ности «гражданскаго перемирія» с правительством. Результатом расхожденій было дальнѣйшее ослабленіе связи Потресова с партией и, с другой стороны, потеря вѣры в степень гражданственности русскаго обывателя. В таком настроеніи двусторонняго моральнаго одиночества Потресов встрѣтил революцію 1917 г.

Послѣ первых восторгов уже в мартѣ 1917 г. он замѣтил, что «стихія максимализма начинает захлестывать массы». Он пытается бороться против «стихиі», проявляя, сверх ожиданія, таланты публичнаго оратора на митингах и боевого публициста во вѣдѣ партійной газетѣ «День». Все было напрасно. Среди меньшевиков окончательно побѣдил интернаціонализм, а в массах старый московскій «Ивашка» сѣлъ на шею культурным «Иванам». Дальше начинается уже агонія, прекрасно описанная Ст. Ивановичем.

Почти год послѣ водворенія большевиков Потресов прожил нелегально; затѣм конец 1919 г. он просидѣлъ в большевистской тюрьмѣ и только в началѣ 1925 г., тяжело больной, был выпущен за-границу. Болѣзнь его — туберкулез позвоночника — чрезвычайно обострилась и осложнилась острым малокровіем. Годы заграничной жизни уже были годами медленнаго умиранія. Это, однако, не мѣшало Потресову разобратся в заграничных теченіях социал - демократіи и занять среди них опредѣленное мѣсто. Он не проявил никакой склонности к «идейному капитулянтству перед большевистской диктатурой». Но, несмотря на тяжелые приступы болѣзни, он не мог и молчать. 23 номера «Записок Соціал - Демократа» и постоянное сотрудничество в «Днях» свидѣлствуют о его послѣднем усилии литературной борьбы. И в этих попытках размежеваться в партійных спорах его одиночество проявилось болѣе опредѣленно, чѣм когда - либо прежде. Послѣднія страницы книги Ст. Ивановича рисуют потрясающую и жуткую картину дезертирства ближайших единомышленников Потресова.

Обѣ здѣсь рецензироваанныя работы Б. И. Николаевского и Ст. Ивановича не только существенно пополняют недостававшую главу из исторіи русскаго социализма. Онѣ помогают вскрыть причины неудавшагося сотрудничества этого теченія с общим демократическим фронтом — неудачу, которая лежит в основѣ русскаго политическаго катастрофы.

П. М.

Thierry Maulnier. — Au delà du Nationalisme. Gallimard. 1938.

Молнье один из интереснѣйших современных французских мыслителей. Поражает его сходство с Прудоном: такое же мастерство примѣненія діалектическаго метода мышленія, та же охваченность идеей «соборности», тот же стиль, то же построеніе фразы, что само по себѣ свидѣлствует об этом их духовном сродствѣ. И та же центральная идея — интегральной Революціи — такой, какая необходима для осуществленія постоянных тенденцій, органически присущих всякому данному конкретному, исторически сложившемуся коллективу. Таким коллективом, такой высшей исторической реальностью является для Молнье **Нація**. «Преодоленіе Націонализма» не означает отрицанія Націи, но, наоборот, ея полную реализацію. Націонализм, который подлежит преодолѣнію, это — современный консерватизм, не мыслящій Націю